

Иван Аксаков

**Ответ г. Градовскому на
его разбор «Записки» К.
С. Аксакова**

Иван Сергеевич Аксаков

Ответ г. Градовскому на его разбор «Записки» К. С. Аксакова

«Что может быть тягостнее и скучнее повинности журналиста вести полемику с людьми, которые прямо сознаются, что, приступая к критике ваших мнений, они «вышли из круга понятий, нераздельно связанных с общими законами логики?». А нам именно приходится выполнить теперь эту обязанность: мы в долгу и пред г. Градовским, и пред публикой, которым уже давно обещали отозваться на статью «Славянофильская теория государства», помещенную, в виде письма к редактору, в 159 N «Голоса». Хотя «Голос» и приостановлен, но автор письма, г. А. Градовский, величается во главе каждой книжки «Русской речи» ее ближайшим сотрудником, следовательно, не может быть сопричислен к сонму «лежачих», которых «не бьют», он обладает всеми способами защиты и нападения...»

Иван Сергеевич Аксаков
Ответ г. Градовскому на его
разбор «Записки» К.С.
Аксакова

Что может быть тягостнее и скучнее повинности журналиста вести полемику с людьми, которые прямо сознаются, что, приступая к критике ваших мнений, они «вышли из круга понятий, нераздельно связанных с общими законами логики?». А нам именно приходится выполнить теперь эту обязанность: мы в долгу и пред г. Градовским, и пред публикой, которым уже давно обещали отозваться на статью «Славянофильская теория государства», помещенную, в виде письма к редактору, в 159 № «Голоса». Хотя «Голос» и приостановлен, но автор письма, г. А. Градовский, величается во главе каждой книжки «Русской речи» ее ближайшим сотрудником, следовательно, не может быть сопричислен к сонму «лежачих», которых «не бьют», он обладает всеми способами защиты и нападения. Притом же мы отвечаем только на статью, *подписанную* почтенным профессором, оставляя в стороне статьи его же, по-видимому, пера в той же газете, но под которыми, к чести для имени автора, не стоит его подписи...

В самом начале своего письма в редакцию

упомянутой газеты, носящего вышеприведенное заглавие, г. Градовский объявляет, что для того, «чтоб постигнуть учение славянофилов, *необходимо выйти* из того круга понятий, которые кажутся нам (то есть автору и редакции) нераздельно связанными с *общими законами логики*: для этого нужно большое усилие, но его необходимо сделать»... И почтенный профессор его делает, – с трудом или без труда, мы не знаем, но во всяком случае с большим успехом: все его письмо свидетельствует, что он вполне удачно достиг своей цели, то есть уже совершенно опростал себя от всяких логических понятий, почему, конечно, ничего в разбираемой им «Записке К. С. Аксакова» и не понял.

Эта «Записка», представленная в 1856 году покойному Государю и напечатанная в 26, 27 и 28 №№ «Руси», подала повод г. Градовскому изложить «теорию государства» по учению так называемых «славянофилов» (говорим «так называемых» потому, что ни К. С. Аксаков, ни Хомяков, ни Юрий Самарин, ни другие литературные и общественные деятели одного с ними направления не любили этой

ключки и сами себя так не называли). Но г. Градовский, как впрочем и не могло случиться иначе при употребленном им безлогичном способе разумения, в своем изложении навязывает им теорию своего собственного изобретения, истинно фантастическую, затем разбивает ее в прах и ликует, ликует как победитель.

«Коренная черта политического учения К. С. Аксакова и вообще славянофилов, — утверждает г. профессор, — состоит именно в *отрицании необходимости всяких юридических форм* (курсив в подлиннике), создаваемых для обеспечения разных личных и общественных прав»... «Они отрицают необходимость форм вообще». Им «не нужны внешние законы». «Их политическое учение есть теория *юридически бесформенного государства*, государства „по душе“, государства, построенного на одних нравственных началах»... «Государство, по учению славянофилов, есть внешняя материальная сила» (каким образом согласуются эти два определения государства, — как это государство по одному и тому же учению выходит «материальной силой»,

«построенной на одних нравственных началах», и в то же время «по душе», – это объясняется только отречением почтенного профессора от законов логики). Но ведь «без форм, без образа и видимости» быть на земле никак невозможно – убедительно продолжает г. Градовский: ведь «человеческая мысль не может ничего такого ни уловить, ни обнять». «Это уж музыка без звуков, тяготение без тяжести, мышление без форм суждения», а именно «музыку без звуков», восклицает он, «проповедывают славянофилы, – возвещая сочетание *бесформенного государства* с *бесформенною духовною свободою*». «Тут уж начинается область: *не любо – не слушай!*», – возглашает в заключение г. Градовский и смело ставит и победоносно решает ученый вопрос: нужны ли звуки для музыки, то есть «нужны ли вообще для *государственной жизни* юридические *формы?*». Вышло, что нужны!

Ученый публицист прав: изложенная им теория точно: не любо – не слушай. Это действительно галиматья, но честь такого измышления принадлежит не «славянофилам», а всецело самому г. профессору. *Ничего подоб-*

ного никогда и нигде славянофилы, понимает-ся, не говорили и не давали повода выводить из их писаний; они утверждали как раз *противное*, – что доказывается не только всеми их сочинениями, но даже и самой «Запиской» К. С. Аксакова, которую г. Градовский, излагая, совершенно переиначивает. Так, г. Градовский уверяет, что, по словам автора «Записки», «русский народ чувствует себя предназначенным к жизни только духовно-созерцательной, чуждой земных дрязг и плотских помыслов». Где же это сказано? Посмотрим «Записку».

«Отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе *общественную* жизнь и поручил государству давать ему возможность жить этою *общественною* жизнью.» – Вот что говорит К. С. Аксаков. – «Не желая *править*, народ наш желает *жить*, – повторяет он вслед за сим, – но ищет для себя свободы нравственной, свободы духа, свободы *общественной*, – *народной* жизни внутри себя... Он отделил себе – поясняет далее автор „Записки“ – *земское* дело, под чем разумеется весь быт народа, вся его жизнь, куда относит-

ся и материальное его благосостояние», – например: «промышленность, торговля»... Это ли образ народа, будто бы предназначенного, по истолкованию г. Градовского, только для созерцательно духовной жизни, чуждой плотских помыслов и земных забот?? Почему же г. Градовский сопричисляет торговлю к числу *бесплотных помыслов и духовно-созерцательных занятий*?!

Пойдем далее. Государство, фантазирует г. Градовский, по учению славянофилов, есть будто бы *«только внешняя материальная сила»*, а так как они *«отрицают необходимость и внешних законов, и всяких юридических форм»*, без которых немислима государственная жизнь, то их *«учение есть теория юридически бесформенного государства, построенного на одних нравственных началах»*. Посмотрим, что говорят «славянофилы».

Без сомнения, государство – сила, и сила именно *внешняя*, с этим не станет спорить и г. Градовский, но этим не исчерпывается его определение. «Государство, – выражается Самарин в статье, помещенной вслед за запискою К. С. Аксакова, в 29 N „Руси“, – есть суще-

ственное условие общежития и как таковое служит к достижению предназначенных человечеству целей». «Государство, – говорит Хомяков, – есть *внешняя правда*». Внешняя правда, то есть правда формальная, условная, выражающаяся в *юридических формах*, составляющая компромисс, сделку между высшими, идеальными требованиями правды внутренней, нравственной, и внешними требованиями правильного общежития в данную минуту. «Внутренний закон, – пишет в своей „Записке“ К. С. Аксаков, – для людей недостаточен»; он мог бы быть достаточен только тогда, когда бы люди были совершенны, «но они не таковы, и потому *необходим закон внешний, необходимо государство*». Стало быть, если *внешний закон*, по мнению «славянофилов», *необходим*, то он ими не отрицается, как храбро утверждает ученый профессор! Стало быть, *государство и внешний закон* мыслятся «славянофилами» нераздельно... Откуда же взял г. Градовский, что в понятии славянофилов государство чуждо каких бы то ни было внешних законов и юридических форм, есть что-то «бесформенное», не

имеющее «*образа и видимости*»! Это уж подлинно «не любо – не слушай», – можем и мы применить к самому г. Градовскому его выражение о славянофильских теориях, но мы, при этом, однако не расположены следовать *второй* половине этой русской пословицы. Мы *помешаем* г. Градовскому.

«Записка» К. С. Аксакова упоминает, между прочим, о *призвании* русским народом государственной власти в лице Рюрика с братьями... Напрасно г. Градовский трунит над этим указанием и противопоставляет ему, мимоходом, отрицание этого факта в ученых трудах г. Иловайского. Дело не в действительности самого Несторова рассказа, а в том, что еще в XI веке было записано *такое* сказание, – конечно не вымышленное самим летописцем-монахом, а взятое из изустного предания. А в предании этом воплотился *взгляд* народный на начало государства, его политическое мирозерцание: этот же последний факт, достоверность которого не опровергает и сам г. Иловайский, для нас несравненно важнее внешней, фактической достоверности самого призвания варягов. Что же говорит записан-

ное в XI веке предание? Оно истинно замечательно: оно уже само по себе зрелый, отчетливый акт сознания *необходимости государственного строя*. «Земля наша велика и обильна, но *наряда* в ней нет» (наряда, а не «порядка», как обыкновенно цитуют). Что такое *наряд*, как не государственный строй с его внешнею властью, внешними юридическими формами? Понятно, что, сославшись на это сказание Несторовой летописи, К. С. Аксаков имел в виду выразившееся в нем народное воззрение на значение государства... Как же объяснить себе подобную отважную *превратность* уверений бурзого профессора и его лихие выходки? Мы могли бы и еще продолжать выписки и сличения, но полагаем, что приведенных примеров достаточно. Не в первый раз, впрочем, подвизается г. Градовский в подобных полемических приемах: навяжет своему противнику какую-нибудь дикую теорию своего изобретения, станет в позу, грозно выпадет против созданного им же призрака и затем – торжественно, самодовольно этот призрак или самого себя побивает!.. И при всем том мы охотно допускаем, что это проис-

ходит у него вовсе не mala fide, а bona fide – от недомыслия и от удивительной легкости, с которой он, добровольно и по собственному сознанию, умеет отрешаться от «понятий, связанных с законами логики»... «Я, – аттестует к тому же сам себя ученый профессор в цитируемой нами статье, – не поэт, не моралист. Я скромный юрист». Это и видно. Что он не художник и что ему недоступно то орудие постижения истины, которое дается искусством, художественным творчеством и чувством, – этого мы ему в вину, конечно, ставить не можем, – но что он не «моралист» – этим хвалиться нечего. Хорош «юрист», не подбитый «моралистом», игнорирующий учение о морали как об основе права, о нравах, об их могущественном значении в жизни обществ и государств и об их отношении к внешним законам и юридическим формам! Прав г. Градовский: он действительно скромный, очень скромный юрист, для которого имеют смысл только одни внешние юридические формы, как нечто существующее само по себе и для себя, an sich и fur sich, – который вне их и за ними ничего не видит и не признает, покло-

няется только форме, только в ней одной видит спасение. Обузив сам себя таким образом, г. профессор предстает пред нами даже не как юрист, хотя бы и скромный, но просто как *формалист* в области внешнего права.

И не он один. И не со вчерашнего дня возник этот «культ формы», идет эта борьба внутреннего с внешним, свободы с необходимостью, духа с буквой!.. «Сущность так называемого славянофильского учения» и в частности «Записки» К. С. Аксакова вовсе не в «теории о *бесформенности* государства», а наоборот: с одной стороны, в признании государства именно внешнею только формой общежития, – именно внешним законом, внешнею силою; с другой, – в сопоставлении с государством внутренней жизни духа, высших начал, высших требований нравственной правды и свободы, заключенных в душе человеческой. Другими словами: отводится подобающее место *Кесарю*, но также и *Богу*; отводится место форме, букве, признается их необходимость и благотворность, но удерживается место и за *тем*, в чем источник содержания, влагаемого в форму и букву, то есть за

духом; и не только удерживается место, но провозглашаются и ограждаются права духа от властительства формы и буквы, – того, что *живит*, от того, что *мертвит*. Ибо истинно евангельское слово: «Буква мертвит, дух животворит». Пожалуй, и тут некоторые, подражая г. Градовскому, воскликнут: «Вы отрицаете букву, вы проповедуете теорию о ненужности букв, но ведь без букв никак невозможно, ничего не скажешь и не выразишь!» и т. д. С рассуждениями такой силы, полагаем, нет надобности и состязаться... Внешняя юридическая форма то же, что буква. По мнению лиц, осмеянных г. Градовским, государство само по себе не есть *цель* бытия, а только необходимое *средство* для достижения высшей предназначенной человечеству цели; поэтому и внешняя юридическая форма не есть еще *воплощение истины*, ни даже справедливости, вполне ее исчерпывающее, а только условное выражение части истины или справедливости, в применении к требованиям места и времени. Может быть, скажут, что во всем этом нового ничего нет. Нового, конечно, нет, а есть нечто вечное и мировое, пред-

поставленное всей исторической жизни народов.

Сказано: Кесарево – Кесареви, Божие – Богови. Пусть вообразят себе теперь, что Бог вычеркнут, отставлен, все бывшее *Божьим* стало Кесаревым. Под *Кесаревым* разумеется здесь государство, в каком бы то ни было образе, хотя бы республиканском, со всеми внешними законами и юридическими формами. Под *Божием* – весь внутренний мир человека с его свободой, совестью, верою в высшую нравственную, абсолютную правду. Но если Кесарь вытеснит Бога и прострет владычество своих внешних законов на всю область Божию, то и *верхнюю* совестью людей станет государство же, то есть *внешний* закон. Другими словами: юридические нормы залезут в мир внутренний жизни, в самую душу человека, закуют его свободу, заглушат дух, источник животворения, все омертвят, но, разумеется, омертвеют и сами. Мы представили несбыточную гипотезу, ибо человеческая духовная природа не в состоянии долго мириться с таким искажением, – но несомненно, что такого рода поползновения существуют на ев-

ропейском Западе, где одновременно с успехами материализма возрастает и культ государства, то есть *внешней* формы политического бытия, заключающей в себе якобы разрешение всех задач, единственное, всеисчерпывающее условие спасения и благоденствия. Поэтому там, например во Франции, вся забота устремлена на приискание и создание внешней государственной формы, которая бы удовлетворила всем этим условиям и требованиям, так чтобы за пределами ее ничего — никакого Бога и никакого иного царства не оставалось. От этого там так часты и революции, разбивающие одну форму за другой, в тщетной попытке втеснить в юридическую норму весь дух человеческий, все оформить, все претворить в *правовой порядок*, который уже предъявляет притязание стать высшим мерилom нравственности и справедливости.

Кстати. У нас в России, как известно, это последнее выражение, то есть «правовой порядок», также в большом ходу. Но ведь «правовой порядок» бывает разный; ведь «правовой порядок» вовсе не означает порядка, все-непременно воплощающего высшую правду,

так что восхвалять «правовой порядок вообще» – или не имеет смысла, или имеет смысл вышеуказанный, то есть стремление заменить все Божие – Кесаревым, всякую идею безусловной правды и нравственности – юридической внешнею, форменного оценкою, – так чтоб нравственным было только то, что законно, и безнравственным лишь то, что осуждается *внешним* законом... «Правовой порядок!» Но ведь французский террор с его кровавой оргией и всеми способами истребления был самый что ни на есть *законный* и *правовой* и *должен* быть признан таковым с точки зрения не «моралистов», а «скромных юристов». Все ведь делалось по решению законного большинства в конвенте, а конвент состоял из легальных, вполне легальных, представителей французского народа, которые совершали расправу якобы от его имени и в силу ими же легально провозглашенного принципа народного верховенства! Сегодня узаконяется небытие Бога и провозглашается поклонение разуму: хотя десятки миллионов народа непричастны такому решению и отвергают его всем сердцем и всею душой, но

сотня лишних голосов в конвенте обязывает их принять таковое решение за законное и вдобавок за свое собственное... И делать нечего: это ведь и есть «правовой порядок»!.. У нас часто толкуют о «гарантиях» и усматривают их именно в западноевропейском «правовом порядке». Но если сей последний служит основанием гарантии, то чем же гарантируется самый «правовой порядок», или иначе: чем же гарантируется гарантия? Одним из догматов теории о гарантиях, например, состоит, как известно, *несменяемость* судей как условие их независимости. Но вот Гамбетта намеревается – самым «правовым порядком», то есть, подобрав себе лишний десяток голосов для составления большинства, посягнуть на этот заветный принцип и пообчистить магистратуру, потому что она оказывается слишком независимою от администрации и часто оправдывает тех, кого правительство хотело бы обвинить. Так как во Франции следует всегда допускать возможность политической перемены, то таким образом устанавливается «правовой» прецедент и для будущих правительств: подбирать *удобный* для себя состав

магистратуры! Мы, само собою разумеется, не против правового порядка вообще, то есть не против юридических норм и форм, но не следует питать к ним никакого суеверия, придавать им какое-то самостоятельное преувеличенное значение или вводить их в те области, где им не место. Когда нам твердят о «правовом порядке», мы прежде всего хотим знать: *какой именно!*

Дело в том, что сила не в правовом порядке, а в той общественной, духовной, нравственной почве, в которую упирается порядок своими корнями и которая их питает. Этого не могут понять скромные юристы-неморалисты. Конечно, желательно, чтобы правовой порядок в данную минуту отвечал потребностям нравственного общественного сознания, но если этого соответствия нет, то правовой порядок останется мертвою буквою. Г. Градовский, например, видит обеспечение свободы слова только во внешнем законе. Почему же и не быть внешнему закону! Мы и сами его желаем, но закон сам по себе еще не составляет гарантии. Ученый профессор забыл, что в Англии, например, внешний закон о печати –

самый драконовский из всех европейских и до сих пор воспрещает разглашение в печати парламентских прений. Но *нравы* переросли внешний закон, и никто никогда не решится «правовой», *существующий* и поныне «порядок» приводить в исполнение. Стало быть, сила не в самом «правовом порядке», а в жизни, в нравах, в том начале, которое одно истинно могущественно и животворно.

Вот это-то животворящее начало, эту власть совести, это царство духа и истины в груди человека, этот несмолкающий запрос на высшую нравственную правду и ищет оградить К. С. Аксаков, во всей их самостоятельности, от посягательства внешней, юридической правды, от начала условности и формализма, которых воплощением служит государство. Ищет оградить, разумеется, только в сфере нашего сознания. Сам же он полагает, что русское государственное устройство, в своих существенных основах и в том виде, как *понимает его народ*, то есть в идеальном своем виде, способно именно дать нужный простор тому, что более всего на потребу. Русский народ сознательно призвал к себе госу-

дарственную внешнюю власть и государственственный внешний наряд, создал самое могущественное государство в мире, равно как и самую крепкую власть, наделив ее неограниченным полномочием и оказывая ей, вполне *сознательно*, а не рабски, беспрекословное повиновение в делах мира сего; но он не отступился от Бога в пользу Кесаря, то есть не уступил царству от мира сего того царства Божьего, которое внутри нас есть, не продал свою *душу* государству, не отрекся ради внешней правды от правды высшей, нравственной, не подменил своих нравственных, общественных идеалов идеалами политическими, не заразил своего духа политическим властолюбием, не упразднил своей *совести* внешним *законом*. Для него государство есть не цель, а средство, да «под державою его хранимы, благоденственное и мирное житие поживем», и он любит, чтит и благословляет это средство и добровольно, сознательно приносит все те нужные жертвы, без которых, как ему ведомо, средство это действовать не может. Он понимает и признает необходимость внешней юридической формы, но формализм

ему ненавистен. В этом именно смысле и называется К. С. Аксаков русский народ *не политическим* или *не государственным*. Кстати: г. Градовский в своей статье опять совершенно искажает мысль автора «Записки» Именно у г. Градовского мы читаем: «Русский народ, как говорит К. Аксаков, народ не политический, то есть *чуждый всяких попечений о земном могуществе*». Вовсе не то. Народ именно позаботился о создании *могущественной* державы как формы для своего общежития, – а К. С. Аксаков говорит следующее и повторяет это несколько раз: «Русский народ есть народ не государственный, то есть *не стремящийся к государственной власти*, не имеющий в себе даже зародыша народного *властолюбия*, не ищущий участия в правлении... Все иные народы стремятся к народовластию. Русский же народ сам *государствовать* не хочет...» По случаю этих слов К. С. Аксакова можно было бы сказать, что именно по этому самому русский народ и может быть назван самым государственным в мире, или точнее носящим в себе *истинный* государственный смысл и разум, что не хочет сам государствовать, а блю-

дет крепость власти и признает лучше, чем какой-либо иной народ, необходимость государственной дисциплины; но это пояснение нисколько не изменяет самой мысли автора «Записки». Как бы то ни было, но этот афоризм К. С. Аксакова озадачил и даже возмутил многих наших «западников» и «либералов», между прочим, и публициста журнала «Отголоски». К сведению сего последнего, а также и г. Градовского, сообщим довольно странное, почти буквальное совпадение. В одном из сочинений немецкого писателя Рия, которое стало нам известно несколько лет спустя после написания «Записки» (сам же К. С. и вовсе с ним знаком не был, ведая о Рие только вообще, понаслышке да по какой-то русской поверхностной рецензии), – итак у Рия встречается следующее: *das deutsche Volk ist kein politisches Volk, sondern ein sociales*, то есть «немецкий народ – народ *не политический*, а социальный», другими словами: с задачей не политической, а общественно-бытовой. Верно или неверно такое мнение Рия относительно немецкого народа – это другой вопрос; во всяком случае этот

поклонник немецкой народности не похулить хотел свой народ, а напротив удостоить его высшей похвалы. Он бы не пришел ни в ужас, ни в негодование, ни в стыд от выражений «Записки» К. С. Аксакова, как наши так называемые либералы, а уразумел бы их глубокий смысл. Постараемся, однако, подойти к этому смыслу с самой внешней его стороны и в самой сжатой форме.

Село вообще менее склонно жить политической жизнью, чем *город*; самая этимология греческого слова «*политика*» это подтверждает. Россия же, как мы однажды выразились, стоит *селами*, а не городами. Уже самое это преобладание сельского населения в России свидетельствует о слабости политического элемента в громаднейшем большинстве, то есть в 80 % всего населения Империи. Так что и с этой, внешней стороны оправдывается афоризм автора «Записки». Но он оправдывается и подтверждается всеми чертами нашей народной психологии, присущими не только так называемому простому народу, но даже и всем нам. Мы народ также социальный, и задачи социальные нам несравненно дороже

политических. Мы совершили освобождение крестьян вовсе не на основании *юридической внешней правды*, которою не дорожит в глубине души своей ни одна русская совесть, а в силу правды социальной, понятой в ее истинном, согласном с нравственною правдою смысле. Вот английские лорды – юристы вполне, люди политические или государственные в тесном значении, для которых внешняя юридическая форма и основанное на ней, хотя бы и безнравственное право – святыня. У нас слово «чиновник», «чиновник в душе», хотя бы он был и честнейший человек в мире, служит чуть не обидною аттестацией, потому что означает поклонника формы, тогда как у наших соседей немцев – этою аттестацией люди гордятся.

Да и у французов также. Немец священнодействует, а француз позирует и в роли жандарма, и в роли городского, во всякой официальной должности; у нас же простодушное или так называемое «халатное» отношение к исполнению формальных обязанностей доходит до вредной, истинно нетерпимой крайности, и однако ж поддерживается всею обще-

ственной и народной нравственной средой: это потому, что самая эта крайность есть доведенная до уродства черта нашей «неполитичности». Политическое властолюбие, если и прививается к нашему обществу, то только с недавнего времени, и корней глубоких во все не имеет; даже наши «либералы» в сущности вовсе не властолюбцы и не честолюбцы, разве за некоторыми исключениями. Во Франции же всякий студент из Quarter Latin – в душе своей *политический деспот* и носит идеал всегда *властолюбивого* свойства; будь он отъявленнейший республиканец – цель у него одна: добиться власти. Не из-за идей свободы борются и боролись партии во Франции, а из-за власти, и всякая вольнолюбивая доктрина, всякая даже анархическая теория сводится там к одному выводу: к государствованию, с отрицанием свободы для чужих мнений и партий. Нечто подобное доказывал в свое время и сам г. Градовский в своих статьях в журнале «Время», если не ошибаемся, в ту отдаленную эпоху, когда он не гонялся за кличкою «либерала», а немного славянофильствовал и даже читал публичные лекции о

славянофилах...

Этими мелкими психологическими чертами, конечно, не исчерпывается глубокое, мировое значение такого нравственного факта, как отсутствие *политического* элемента в самой *душе* нашего христианского народа, в глубинах его верующего духа. Но наша статья и без того велика. Мы хотели только отозваться на главные аргументы г. Градовского, которыми он думал сразить наповал так называемую им славянофильскую теорию. Мы оставляем также пока в стороне логический вывод, делаемый К. С. Аксаковым из присутствующего русскому народу нежелания *государствовать самому*, – вывод, который выразился в создании полноправной монархии, – оставляем потому, что сам г. Градовский устраняет этот вопрос. Он спрашивает нас, в заключение своей статьи: «Нужны ли, независимо от вопроса о форме *правления*, известные юридические формы, известная доза законности в управлении, для обеспечения тех благ, о которых „славянофилы“ – де так много говорят?» И «не останутся ли прекрасные слова К. С. Аксакова о „свободе жизни, духа и слова“ одними

прекрасными словами, если не будут обеспечены законами?»... «Записка» К. С. трактует вовсе не о началах *управления*, а решает именно вопрос об отношении народа к политической форме государства, то есть к форме правления. Что же касается до области управления, области *подзаконной*, то само собою разумеется, ни К. С. Аксаков, ни «Русь» никогда не отрицали пользы издания верховною властью законов, устраняющих произвол подчиненных этой власти лиц и ограждающих свободу верующей совести и слова и личное достоинство человека... Мы бы первые тому порадовались, но не потому, чтобы самая форма «законов» представлялась нам непоколебимою *гарантией*, ибо мы знаем, что всякий законодатель, давший гарантию, может и отнять ее (будь он хоть парламент, или только парламентское большинство, составленное десятком лишних голосов); а потому бы порадовались, что издание таких законов свидетельствовало бы об успехе сознания в нашей правящей и в общественной среде.

Вот чего нужно желать и в чем заключается единственно прочная гарантия: это

именно, чтоб свобода совести, свобода слова вошла в наш *обычай и нравы*, а она тем скорее сбудется и тем глубже войдет в *обычай и нравы* нашей правящей и общественной среды, чем меньше будут связывать с этою свободою общественной, неполитической жизни ложное понятие о каких-то политических правах и гарантиях, из области управления простирающихся на область правления... Нужно желать, чтобы само наше правительство прониклось не только национальным, но и *народным* духом, и усвоило себе именно те понятия о союзе государства с землею, которые изложены в «Записке» покойного К. С. Аксакова; нужно, одним словом, чтобы государство и земля, народ и полноправная власть жили между собою, по русской поговорке, в *любви и совете*...